

УДК 94(47).084.8 +316.77

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ О ГОЛУБОЙ ДИВИЗИИ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ (1942—1944 ГГ.)

Б.Н.Ковалев

**SOVIET JOURNALISTS' PUBLICATIONS ON THE BLUE DIVISION IN THE VICINITY OF LENINGRAD,
1942—1944**

B.N.Kovalev

Гуманитарный институт НовГУ, beresten@mail.ru

С августа 1942 по октябрь 1943 года под Ленинградом находилась союзная гитлеровцам испанская Голубая дивизия. Часть ее подразделений располагалась в пригородных дворцах: в Пушкине и Павловске. Советские журналисты в своих статьях описывали борьбу красноармейцев с испанцами, а также ущерб, нанесенный Голубой дивизией памятникам архитектуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, испанская Голубая дивизия, Пушкинский дворец, Павловский дворец

From the August of 1943 to the October of 1943 the Blue Division stationed in the vicinity of Leningrad: in the palace of Pushkin (Catherine Palace) and the Pavlovsk Palace. Soviet journalists covered the fight of the Red Army against the Blue Division and the damage done to the monuments by the Spaniards.

Keywords: *Great Patriotic War, Blue Division, Catherine Palace (Pushkin), Pavlovsk Palace*

Любая война приносит неисчислимые страдания. Гибнут люди, разрушаются не просто здания, но и выдающиеся памятники архитектуры. Трагическая судьба дворцовых комплексов под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны затрагивает не только Россию, но и все человечество. При этом не только гитлеровские оккупанты приложили к этому варварству руку, но и другие военные союзники III Рейха.

Почти вся Европа раскинулась между Испанией и Россией. Но в годы Второй мировой войны испанские солдаты, как союзники нацистской Германии, оказались на Северо-Западе нашей страны. Советский военный пропагандист М.Бурцев отмечал важную роль средств массовой информации в деле формирования дивизии летом 1941 года: «На следующий день испанская пресса начала усиленную кампанию за вербовку добровольцев, были организованы вербовочные участки по всей стране, даже на Балеарских и Канарских островах и в испанском Марокко. Для того, чтобы привлечь больше добровольцев в дивизию, широко публиковались сводки и победные репортажи германского командования об уничтожении Красной Армии и крахе большевизма» [1].

Испанские фалангисты ждали того счастливого дня, когда они вместе с немецкими союзниками гордо пройдут по улицам Москвы. Этим мечтам сбыться было не суждено. Вместо того, чтобы ввести дивизию в сражения на центральном участке фронта, ее переадресовали в группу Лееба, отправив под Великий Новгород, на Волховский участок фронта, где они находились до августа 1942 года. К этому времени германское командование приняло решение о переброске их на более важный участок фронта: под Ленинград, в блокадное кольцо немецких войск вокруг города на Неве.

Теперь испанцы оказались в зоне досягаемости советской дальноточной артиллерии, которая находилась в Ленинграде. Корреспондент ТАСС на Ленинградском фронте Павел Лукницкий встретил на передовой артиллерийских разведчиков: «В этом году полк слал гитлеровцам снаряды из района Автова, а затем перешел сюда, на участок Колпина и Ижор. Полк держит под огнем полукружие фронта гитлеровцев от устья притока Невы — реки Тосны у села Ивановского до лесов Красного Бора и далее к юго-западу, до Пушкина и Павловска. Восточную часть этого полукружия по реке Тосне занимает фашистская полицейская дивизия СС; правее по фронту расположена 250-я испанская «голубая дивизия», сменившая недавно 121-ю немецкую пехотную дивизию.

И немецкие, и испанские фашисты чувствуют себя неуверенно, боятся, поспешно строят оборонительные сооружения. Они знают настроение наших войск. Оно определяется чувством ненависти к гитлеровцам, сознательно причиняющим страдания населению Ленинграда» [2, с. 360].

Новый противник сразу же привлек внимание не только советских спецслужб, но и пропагандистов. Было необходимо понять специфику идеологического воздействия на испанских солдат-добровольцев. К этому привлекали самых известных писателей Ленинграда. Павел Лукницкий отметил в своем дневнике: «Вишневский, Тихонов, Инбер, Прокофьев, Лихарев, Авраменко, Дымшиц, Рывина, Азаров, Вишневецкая, Левоневский и кто-то еще... Все мы, шестнадцать человек, собрались по приглашению начальника 7-го отдела подполковника Подкаминера, чтобы послушать доклад о войсках противника, осаждающих Ленинград, — о немцах, испанцах, голландцах, норвежцах, финнах; о дислокации их частей, об их настроениях и взаимоотношениях. Доклад Подкаминера был основан на показаниях пленных и перебежчиков, а также на некоторых, добытых нашей разведкой, документах...» [3, с. 9].

Нельзя сказать, что проблемы русского коллаборационизма полностью замалчивались в советских СМИ. Так, в периодической печати появлялась информация о наказании пособников нацистов. Не остались в стороне и союзники Германии. На страницах советских газет появлялись материалы, из которых было видно, что красноармейцы воюют не только с немцами. Павел Лукницкий посвятил свой материал снайперам: «Чувство мести столь же ненасытно, сколь и всякая иная страсть. И одно дело управлять огнем батареи, и другое — убить ненавистного врага своей рукой. Именно этого утоления жажды мести не хватало артиллеристу-разведчику Фомичеву, пока не стал он снайпером-истребителем...

Всматривая врага, Фомичев никогда не теряет ровного, спокойного настроения...

Когда Фомичев видит гитлеровца, то ни азарта, ни волнения не испытывает.

— Нет того, чтоб я звал его «гадом» или как-нибудь еще, а просто: «Вот показался!» — и мысль: «Как, каким способом, каким приемом его лучше убить?»» [2, с. 397].

Журналист подробно описывает одну из охот снайпера: «22 июля этого года (1942. *Скорее всего ошибка автора дневника. Испанцы появились здесь только в августе — Б.К.*) с двумя разведчиками — ефрейтором Синебрюховым и красноармейцем Малышевым — Фомичев вышел за боевое охранение шестой стрелковой роты нашего 286-го полка. На той территории до войны был совхоз «Молочный». Остались от него кирпичи да разрушенные силосная и водонапорная башни» [2, с. 397].

Для снайпера нет большой разницы, кто перед ним: немец, финн или испанец. Главное, что это враг, которого нужно уничтожить: «Разведчики перебежали от одной груды кирпичей к другой. Впереди, под деревянным домиком, закопался штаб разведанного перед тем Фомичевым минометного батальона 250-й фашистской испанской дивизии (эти данные были подтвер-

ждены пленным). Фомичев заметил: из штаба вышли офицер с солдатом и по траншее к переднему краю, чтобы достичь своих боевых порядков, то есть следующей траншеи, им предстояло перебежать лошину — метров пятнадцать. Видны были только их головы да плечи...» [2, с. 398].

Рассказ снайпера журналисту напоминает поведение опытного охотника: «Наблюдаю в четырехкратный мой перископ. Офицер, выйдя из траншеи, заметался, озираясь; присматривается, прислушивается. А тихо — выстрелов нет.

Показал он рукой на лошину солдату, сам отпрянул метра на два назад. Солдат боязливо осмотрелся, сорвался, побежал. Синебрюхов говорит мне тихо: «Комвзвод! Почему же не стреляем?» Я: «Не тронь!»

Только солдат пробежал, остановился, и офицер побежал. Полевая сумка у него блестела целлулоидом, когда он выбегал. Офицерские погоны с двумя широкими лычками посередине, каска с кокардой на баку (а у солдат — простая), молодой, без усов. Пробежал он метра три — я ему пулю врезал в грудь, он руки раскинул, упал на спину.

Солдат тут присел. И его не видно было минут двадцать. Но я жду, уверен: пойдет к офицеру на помощь. Вижу: ползет по траве (я не отнимал глаз от перископа), подполз, помедлил, стал на грудь к себе поднимать. Выпрямился в рост, сделал шаг, и тут я ему в спину пулю, и еще три по тому месту, куда он упал. Посмотрел, подозвал Синебрюхова:

— Вот, если б стал солдата стрелять, то упустил бы офицера, а так — обоих взял!» [2, с. 398].

Первых испанских солдат, погибших под Ленинградом, похоронили около гранитной террасы Екатерининского парка в Пушкине.

Следует отметить, что испанцы под Ленинградом были другими, чем под Новгородом. В 1941 году они надеялись на быструю и легкую победу. После более чем года боевых действий стало понятно, что война — это не легкая прогулка за славой. Да и Красная Армия стала допускать меньше ошибок. В ноябре месяце судьба всей страны решалась на юге: под Сталинградом. Павел Лукницкий отмечал в своем дневнике: «29 ноября 1942. Гитлеровцы! Помните, как оралы они с переднего края? Агитацией взять наших хотели! Последнее время молчат. Извержились в действии своей болтовни. Между прочим, примечательно: освещение ракетами теперь слабое, не так, как ранее. Раньше немец всю ночь бросал. Почему теперь нет? Думаю, строит по ночам оборонительные сооружения, например, в Павловском парке. И еще важно: пленные (последний перебежчик был числа девятнадцатого) говорят, что у них нет теперь агитации за взятие Ленинграда, как это было в августе и в начале сентября». [2, с. 401-402].

Советские пропагандистские службы должны были срочно приспособиться под нового противника. Как позднее вспоминали испанцы: «К 13 сентября русские узнали, что 121-ю дивизию сменила 250-я. В то воскресенье громкоговорители советской пропаганды переключились с немецкого «Heimat deine Sterne» (Родина, твои звезды) на «Ramona». Обращался к ним дезертир из 7 роты 262-го» [4, р. 222].

Голубая дивизия ощутила на себе в полной мере не только идеологическое воздействие, но и мощь советского оружия. Хотя боевые действия и шли все еще непосредственно на территории России, по соотношению сил это был уже не 1941 год.

Качество испанских солдат защитники Ленинграда оценивали ниже, чем немецких: «В 121-й пехотной немецкой дивизии снайперы раньше стреляли отлично. Бывало, находится наш стрелок в ячейке, винтовка у него — в амбразурке, а стоит ему спичку за щитком зажечь — и пулей убит. Теперь, начиная с августа, ни у немцев, ни у испанцев почти нет снайперов. Иные стреляют хорошо, но явно не обучены, не подготовлены: уходят из своих ячеек, плохо маскируясь; бегут к кухне — выскакивают на бруствер. И мы их бьем с хладнокровием. А наши, напротив, все лучше и лучше обучены, спокойны, выдержанны.

Иная война пошла!..» [2, с. 402].

Подобную точку зрения разделяли не только журналисты, но и военные профессионалы. Начальник Инженерного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Б.В.Бычевский в своих послевоенных воспоминаниях так описывал отношение советских командиров к этим союзникам гитлеровцев: «Проверяя инженерные части, я заехал к командарму 55-й Владимиру Петровичу Свиридову. Он был в отличном настроении. Армейские разведчики только что взяли «языков» из 250-й пехотной испанской дивизии. Пленные подтвердили, что в Красном Бору кроме испанцев нет других пехотных или танковых частей.

— Сброд, хлюпики сопливые, — сказал командарм о пленных. — Завшивели, обмораживаются, клянут тот день, когда оказались в России.

— Может быть, поэтому рядом с испанцами и сидит немецкая полицейская дивизия? — спросил я. — Помните, что произошло в прошлом году под Усть-Тосно?

Владимир Петрович не любил, когда ему напоминали о прошлых неудачах, и поморщился:

— Теперь я покажу им. Как только возьмем Красный Бор, пушу стрелковую бригаду через Неву во фланг этим охранникам» [5, с. 242].

Но планы советского командования повторить успех Сталинградской битвы под Ленинградом зимой 1942—1943 года не увенчались успехом. Хотя блокада города на Неве и была прорвана, линия фронта по-прежнему проходила в непосредственной близости от городских кварталов. Регулярному обстрелу подвергались войска и оборонительные сооружения противника в Пушкине и Павловске.

Радость наступления зимы 1944 года была омрачена видом пригородных дворцов. Пушкин и Павловск предстали перед советскими солдатами несчастными инвалидами: «Внутри дворца — хаос провалившихся, пустых залов, ободранные до кирпича стены. Всё разбито! Видны кое-где только поблескивающие куски золоченых фриз, раздробленные остатки медальонов, орнамента, барельефов. Эти остатки усугубляют впечатление, производимое разрушениями. Ни Янтарной комнаты, ни Большого зала, ни других прославленных на весь мир залов. Куда девались янтарь, паркетные полы, сделанные из амаранта, розового и

черного дерева, мозаика; шелка старинных русских мануфактур?

Где великое множество находившихся здесь сокровищ? Уничтожены? Или вывезены в Германию? Знакомый с юности дворец предстает в прахе, в пепелище, в удручающем разорении.

Мы идем дальше. В залах, примыкающих к Зубовскому флигелю, — вонь и смрад, в них гитлеровцы устроили себе казарму. Окна прикрыты неокоренными бревнами, напыленными из тех же парковых вековых деревьев. Снаружи к флигелю примыкают блиндажи...

Мы выходим из дворца молчаливые, удрученные» [3, с. 221].

Оставили следы своего пребывания и испанские солдаты. Это были надписи и рисунки: «Длинный флигель Циркумференции завален навозом, двери из комнат в коридор вырваны, в каждой из комнат — стойло для лошадей. Это сюда указывала стрелка у Третьего пруда, на которой написано по-испански: «Caballos alpasos» (Лошадей не ставить! — Б.К.) и нарисовано изображение лошади. Бродяги из испанской эсэсовской «голубой дивизии» устроили здесь конюшни!

Череп и скрещенные кости на камне под кружевными воротами, у въезда на Дворцовый плац со стороны Зубовского флигеля. Это, по-видимому, «памятник» лошади какого-нибудь из именитых испанских фашистов» [3, с. 222-223].

Не менее страшная картина предстала перед журналистом и в Павловске. По следам пребывания здесь оккупантов ему бросаются в глаза не только немецкие, но и испанские следы: «...И по милой с юности сердцу заветной дороге выезжаем из Пушкина в Павловск. Мы не узнаем ее: все то же разорение, что и везде! Изрублены на топливо, растасканы на блиндажи, взорваны дома. Посечены немецкими топорами кедр, лиственницы, горные сосны в парке. Спилены, подорваны аллеи лип. Весь Советский бульвар минирован. Гитлеровцы не успели убрать остерегающие надписи: там и здесь, среди опутавшей бульвар колючей проволоки, читаем немецкие и испанские обозначения: «Minen!», «Attention minas!».

На одном из уцелевших каменных домов на Слуцком шоссе черными буквами размашисто намалевано: «Villa Asturies». Здесь происходили оргии фашистских молодчиков господина Франко, который напрасно старается уверить цивилизованный мир в том, что Испания не имеет никакого отношения к Восточному фронту» [3, с. 223].

На следующий день в Пушкин приехала группа ленинградских писателей. Среди них была и Ольга Берггольц: «Жгучая обида рванула сердце: я вспомнила вдруг, как тогда, до войны, мы, хозяева, входили в этот дворец, надев войлочные туфли... Мы боялись царапинку на полу оставить, мы лелеяли его... Товарищи, наш чудесный дворец разбит, разрушен! Чужеземцы, пришельцы, захватчики осквернили и разорили его. Только стены остались от него, а внутри все обвалилось, сквозь дыры окон видны кирпичи, скрученные балки, разбитые камни. Почти ничего не уцелело внутри дворца. Из дверей большой анфилады с их неповторимой позолоченной резьбой немцы устраивали по-

толки в своих землянках, настилали их вместо пола. Мы видели это сами. В комнатах дворцового подвала, где жила испанская «Голубая дивизия», мы видели обломки драгоценной резьбы. Видимо, здесь жил какой-то «любитель изящного». Сюда было затащено пианино, а на крышке пианино лежал срубленный с карниза золотой купидон» [6, с. 255].

Испанские надписи и граффити бросались в глаза научным сотрудникам музеев, которые в первые недели после освобождения пытались определить уровень ущерба, нанесенного войной пригородным дворцам. Анатолий Михайлович Кучумов (будущий первый почетный гражданин города Павловска) писал своим коллегам, эвакуированным в Новосибирск, о том, что предстало перед его глазами. Вот что он писал 29 апреля 1944 года: «Спускаемся в нижние помещения галереи Екатерининского дворца. Вонь... грязь, тряпье и бутылки. Здесь жили испанцы. В коридоре устроена своеобразная капелла. У поперечной стены поставлены золотые колонны, снятые с иконостаса церкви, на них чаша и скрижали Моисея, между колонн резное сияние тоже с иконостаса, вокруг него целый хоровод ангелочков-амуров с карнизов церкви. Стоило для этого ломать чудную отделку Растрелли!» [6, с. 271-272].

Таким образом, в первые часы освобождения пригородов Ленинграда от гитлеровских захватчиков, советские журналисты отмечали в своих материалах факты, что не только немцы повинны в трагедии выдающихся памятников отечественной архитектуры.

С результатом пребывания испанских солдат в Пушкине и Павловске пришлось работать не одному поколению советских, а затем российских реставраторов. Нельзя сказать, что эта работа уже завершена.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-53003).

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 77. Д. 32, Л. 2.
2. Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Фронтвой дневник. В трех книгах. Книга 3. М.: Советский писатель, 1976. 575 с.
3. Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Фронтвой дневник. В трех книгах. Книга 2. М.: Советский писатель, 1976. 591 с.
4. Gerald R. Kleinfeld, Lewis A. Tambs Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Southern Illinois University Press, 1979. P. 222.
5. Бычевский Б.В. Город — фронт. Л.: Лениздат, 1967. С. 242.
6. Ципин В.М. Город Пушкин в годы войны. СПб.: Genio Locī, 2010. С. 255.

References

1. Russian State Archive of Sociopolitical History (RGASPI), Fund 495, Inventory 77, File 32, fol. 2.
2. Luknitskii P.N. Leningrad deistvuet... Frontovoi dnevniki [Leningrad is acting... Battlefield journal]. In three volumes. Vol. 3, Moscow, "Sovetskii pisatel'" Publ., 1976. 575 p.
3. Luknitskii P.N. Leningrad deistvuet... Frontovoi dnevniki [Leningrad is acting... Battlefield journal]. In three volumes. Vol. 2, Moscow, "Sovetskii pisatel'" Publ., 1976. 591 p.
4. Gerald R. Kleinfeld, Lewis A. Tambs Hitler's Spanish Le-

- gion: The Blue Division in Russia. Southern Illinois University Press, 1979, p. 222.
5. Bychevskii B. V. Gorod — front [Battlefield city]. Lenin-grad, “Lenizdat” Publ., 1967, p. 242.
6. Tsipin V.M. Gorod Pushkin v gody voyny [The city of Pushkin during the War]. “Genio Loci” Publ., 2010, p. 255.